

Н.Л. ШАМНЕ
Волгоградский государственный университет
Проспект Университетский 100,
400062 Волгоград, Россия

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА И ЯДЕРНЫЕ СРЕДСТВА ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ЯЗЫКЕ*

В статье рассматриваются релевантные характеристики универсальной категории пространства, такие как материальность, трехмерность, структурированность, движение; прослеживается связь категории пространства и времени; дается общая характеристика типовых глаголов движения в немецком, русском, чешском языках как ядерных средств репрезентации категории пространства.

Ключевые слова: *категория пространства, темпоральность, глаголы движения, определенность / неопределенность движения*

В настоящий период развития лингвистики актуальными являются исследования, посвященные отражению разнообразных национально-культурных особенностей в семантике языковых единиц. И здесь наиболее значимые результаты дает прежде всего обращение к универсальным понятийным категориям, которые, в силу их универсальности, находят выражение в любом языке.

К числу традиционно выделяемых универсальных категорий, еще со времен античности, относят категории пространства и времени. Данные категории являются основополагающими для человека, вся жизнедеятельность которого происходит в определенном пространстве и определенном времени.

В рамках статьи остановимся на некоторых характеристиках категории пространства (и их репрезентации в самом общем виде в русском, немецком, а также чешском языках). Первой определяющей характеристикой пространства, которая влияет на повседневное познание пространства человеком, является его *материальность*, на что указывал еще Аристотель. Об этом пишет и А.Эйнштейн, развивая известный концепт пространства, согласно которому пустого пространства не может быть: «Пространство определяется положением предметов» (Einstein 1953: 4). Даже в соответствии с абстрактным пониманием пространства по Ньютону – «пространство определяется как “хранилище” для объектов» (там же)

¹ Статья написана при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009 – 2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367)

– его материальность не исключается: можно представить материальные границы объектов хранилища внутренних пространств, которые сами могут быть пустыми. Материальность как свойство пространства является предпосылкой для ощупывания объектов и их упорядочения, например, ребенком. Точно так же слепой при своей тактильной ориентации зависит от материальной манифестации пространства.

Из материальности пространства вытекает восприятие трехмерности пространства.

Для человеческого восприятия *вертикальное* и *горизонтальное* проявления пространства играют одинаково важную роль. Падение предметов, прямохождение человека, рост растений, соотношение голова–ноги, земля–небо позволяют познать вертикальность.

Само расположение наших органов восприятия указывает на роль горизонтальности: угол зрения глаз по горизонтали шире, чем по вертикали, с помощью слуха воспринимаются стереоэффекты, эхо и осуществляется ориентирование и определение пространственного положения по признаку справа–слева, спереди–сзади, далеко–близко. Положение экватора на глобусной модели Земли, уровень моря и привычный всем нам горизонт – все это дополнительные аспекты специфического познания горизонтальности пространства.

Следующая особенность пространства для воспринимающего, ориентирующегося и действующего человека заключается в *структурированности* пространства. Как отмечает Й. Пиажо и Б. Инхелдер, в развитии детского представления о пространстве топологические понятия пространства «соседство», «разграничение», «окружение» и «последовательность» являются первой формой абстрагирования от известных предметов. Лишь значительно позже распознаются такие евклидовы формы, как круг, квадрат, прямая или угол (Piaget 1948). Тем самым проективные и перспективные отношения находятся в тесной взаимосвязи и предполагают координацию между различными пространственными предметами и конфигурациями. Вместе с тем пространство проявляется и как переплетение дорог, пространство состоит из исходных и конечных пунктов, перекрестков, поворотов, объездов и обходов, тоннелей, вследствие чего концепт «дорога» следует также включать в топологию пространства. Кроме того, пространство *метрически* познаваемо при помощи единиц измерения, и тем самым возникают понятия расстояния, поворотов, параллельности, которые связаны с соответствующей мерой измерения.

До сих пор мы ничего не говорили о такой фундаментальной категории, тесно связанной с пространством, как время. Разграничивая пространство и время, мы рискуем потерять из поля зрения *временной* аспект пространства. Примером здесь может служить наше возвращение в знакомые места после длительного отсутствия – зачастую знакомые места неузнаваемы. Временной аспект пространства может переходить к историческому – достаточно только представить себе различное восприятие ландшафта или целого региона до и после изобретения паровоза или самолета: ускоренное познание пространства и времени при помощи огромных скоростей приводит к коренному изменению в восприятии пространства человеком и жизни в нем. Или другой пример – Птолемево представление о Земле как о плоском круге – центре бытия – это тоже представление о пространстве, которое к тому же

было и мировоззрением. Таким образом, мы должны учитывать как изменчивость пространства, так и изменчивость его восприятия.

Подобно тому как то, что воспринимающий в ходе перемещения в пространстве только *увидит*, соотносится с тем, что он уже *видит*, так и каждая пространственная информация систематически соотносится с уже познанной когнитивной структурой (образцом). Здесь мы сталкиваемся с последней особенностью пространства, самой важной для человека, на которую указывает Д. Вундерлих (Wunderlich 1982: 1-19): пространство *эгоцентрично*. Исходной точкой (*Bezugspunkt*) ориентирования в пространстве является человеческое *ego - Я*, от него определяются расстояния, направления, перспективы и т.д. Таким пунктом может быть и целая социальная группа, этот пункт может быть обобщен в виде географической карты. Именно человек в процессе своего опыта отбирает наиболее релевантные для него ориентиры в пространстве, в качестве которых могут выступать внешние системы координат и местоположение субъекта.

Основополагающую проблему соотношения пространства и времени Д. Вундерлих затрагивает в своей статье «Пространство, время и лексикон» (Wunderlich 1985: 66–89). В частности, он постулирует доминирующее значение для организации языка пространственных концептов по сравнению с временным измерением: пространство – в зависимости от его восприятия – конкретнее, чем время; пространство – несмотря на возможность сопоставимого структурирования и его протяженность – структурировано богаче и более комплексно, чем время; процесс познания пространства и его языкового усвоения ребенком начинается раньше, чем процесс языкового усвоения понятий времени. Наконец, понятия пространства часто используются для обозначения концептов времени, но не наоборот. Эти наблюдения Д. Вундерлиха, хотя и тезисно изложенные, могут стать отправной точкой для глубокого изучения соотношения пространства и времени в языке. На основе изучения взаимодействия концептов пространства и времени, тем самым, может быть сделан еще один шаг на пути более глубокого понимания человеческого мышления, познания и поведения.

Принципиален вопрос, как мы воспринимаем пространство и каким мы его видим или ощущаем. Е.С. Кубрякова считает, что подобной концептуальной структурой, соответствующей образу пространства в сознании архаичного человека и обозначаемой в русском языке термином «пространство», является величина, включающая следующие концепты и подводимая под следующее описание (в скобках даны основные концепты описываемой структуры): это обобщенное представление о целостном образовании между небом и землей (целостность), которое наблюдаемо, видимо и осязаемо (имеет чувственную основу), частью которого себя ощущает сам человек и внутри которого он относительно свободно перемещается или же перемещает подчиненные ему объекты; это расстилающаяся во все стороны протяженность, сквозь которую скользит его взгляд (пространство) и которая доступна ему при панорамном охвате в виде поля зрения при ее обозрении и разглядывании (Кубрякова 1997: 26). Однако, также рассматривая такую составляющую пространства, как целостность, А.Я. Гуревич подчеркивает, что у человека средневековья, как и у людей на более ранних стадиях развития, мышление было «по преимуществу конкретным, предметно-чувственным». К тому же «сознание охватывало мир в его целостности»: человек еще не отделял себя

полностью от природы или же среды, ощущая себя ее частью (Гуревич 1972: 29, 31, 35). Очевидно, однако, что целостность восприятия не означала восприятия ее как нечленимого образования, а напротив, ассоциации целого с его отдельными частями из-за ощущения единения с миром были особенно сильными. Таким образом, нельзя говорить о каком-либо выделении пространства без того, чтобы не сказать о том, что ему противостоит – об объектах. Подобная концептуальная структура отличается от той абстракции, которой под тем же названием оперирует современный человек и которая включает также иные концепты (представление о трехмерности мира, о разных типах пространств, об особой форме материи, связанной со временем и т.п.)

Несмотря на универсальность пространства как категории, само слово «пространство» имеет в русском и немецком языке (*Raum*) разную наполняемость, на что указывает в своих работах Г.Д. Гачев. Так, в русском языке «пространство» образовано от русского корня *про-странство* и является однокоренным с такими словами, как *сторона*, *страна*, *странник* и напрямую связано с «путь», «дорога» (Гачев 1992: 36).

В.Н. Топоров, говоря об архаичной мифопоэтической модели мира, подчеркивает, что кроме понятия пространства существует еще и понятие Хаос (отсутствие пространства). «Пространство возникает через отделение его от Хаоса, ... но пространство возникает не только через отделение, но и развертывание его вовне по отношению к некоему центру (т.е. той точки, из которой совершается или некогда совершалось это развертывание) или безотносительно к этому центру». И далее: «Идея прогрессивно нарастающего развертывания наиболее ярко отражена в русском слове «пространство», обладающем исключительной семантической емкостью. Его внутренняя форма апеллирует к таким смыслам, как «вперед», «вширь», «вовне»... (Топоров 1983: 239).

На эту же семантическую емкость русского слова «пространство» указывает М. Хайдеггер: «В самом слове говорит простор: нечто простираемое, свободное от преград, открытость для человеческого поселения и обитания» (Хайдеггер 1991: 96). Пространство мыслится более живым, родным и конкретнымместилищем жизни живой, а не просто местом для неорганического бытия тел (Гачев 1995: 223).

В лингвистических исследованиях пространство представляется синкретично: оно совмещает в себе и черты физико-геометрического пространства (Ньютон), и черты пространства, условно говоря, семиотического (Лейбниц). Ср., например, используемые Дж. Личем при описании пространства базовые единицы: место, протяженность, близость, вертикальность / горизонтальность, север / юг, запад / восток, ориентация движения, виды передвижения, поза (положение человека в пространстве) (Leech 1971). А. Вежицкая добавляет к этому списку такие параметры, как «направление», «границы пространства», «сила притяжения» (Wierzbicka 1992).

Мы считаем, что в состав релевантных характеристик пространства следует включить также концепт *движения*. Движение образует пространство, ... пространство ни в коем случае не существует само по себе, оно не дано заранее, оно возникает только вместе с жизнью, однако, возникает опасность идеалистического подхода к пониманию пространства: разве мы нашими действиями впервые создаем

пространство? Разумеется, не у всех людей одинаковые представления об одном и том же пространстве, хотя бы уже потому, что они в принципе находятся в разных точках пространства. Тем не менее, пространство и его такая важная составляющая часть, как движение, существуют вне зависимости от того, осознаются ли они нами и занимают центральное место в нашем мировосприятии. «Движение тел происходит в пространстве–времени, которое представляет собой совокупность всех возможных положений тел во всевозможные моменты времени» (Берке 1985: 32).

Т.В. Цивьян в своих работах указывает на исконность идеи пространства в ряде важных понятий, относящихся к движению, а через движение переходящих в другие сферы, или в другие коды (Цивьян 1990: 74).

Прежде всего важно определиться в самом понимании движения. В самом общем философском значении движение означает изменение как таковое. Чувственно нами воспринимается лишь какая-то конкретная форма движения. В науке различают физическую, химическую, биологическую и общественную формы движения. В данном случае говорят лишь об основных формах движения, каждая из этих основных форм включает еще ряд качественно различных форм движения.

Мы в своих работах рассматриваем такие формы движения, которые связаны с переменной места, то есть с перемещением в пространстве (Шамне 2000). Перемещение в пространстве какого-либо носителя движения характеризуется и временным аспектом. Пространство и время – это, как отмечает Х. Хольц, те величины, которые неразрывно связаны в нашем сознании: «из ориентирования в пространстве вырастает ориентирование во времени» (Holz 1953: 17). Время не воспринимается нами без пространства, поэтому факт перемещения в пространстве – это и факт времени.

В науке также существует понятие «динамические» и «статические» факторы движения, например, в работах Э. Лайзи. «Динамичное», «атрибуты движения» автор выводит из физического и математического определения движения, которое он понимает как «перемену места точкообразного или протяженного в пространстве образования по истечении какого-то времени». Перемещение в пространстве может быть охарактеризовано двумя высказываниями: «1. Его путь (кривая пути: из нее выводится направление в данный отрезок времени), 2. Его скорость (величина, ускорение, замедление)». Все остальное, что устанавливается в связи с движением, не относится к собственно движению, оно статично» (Leisi 1961: 58). В соответствии с этим, статичными будут факторы, по которым движение чувственно воспринимается, то есть сам носитель движения, место, а также приспособления и устройства, которые служат для осуществления движения.

Движение, приводящее к перемещению в пространстве, может быть обусловлено различными силами. Эти силы могут быть в самом носителе движения или же воздействовать на него извне. Мы рассматриваем лишь движение, приводящее к перемещению в пространстве, которое активно осуществляется самим носителем движения.

Носителями такого активного перемещения в пространстве могут быть одушевленное существо (человек или животное); человек и животное, снабженные естественными средствами перемещения или человек, перемещающийся при

помощи животной или механической силы (например, в процессе верховой езды или езды в транспортном средстве). Движение транспортного средства воспринимается нами как движение самого этого транспортного средства, то есть мы воспринимаем его как носителя движения, хотя оно и приводится в действие человеком.

Перемещение характеризуется теми же общими механическими и физическими характеристиками движения, теми же факторами, которые определяются свойствами носителя движения, например, физиологическими, если носитель движения – одушевленное существо. Перемещение, таким образом, понимается как самопроизвольное действие носителя движения, которое приводит к перемене места в пространстве.

Релевантными факторами, следовательно, являются: сам носитель движения, пространство, в котором он перемещается, характер перемещения, направление перемещения, скорость его перемещения и способ, которым осуществляется перемещение. Способ перемещения характеризуется свойствами носителя движения, характером или особенностями окружающего пространства (по твердой поверхности, по воде или воздуху) и используемым средствам перемещения (естественными органами или искусственными механизмами). Помимо этого, важными факторами при вербализации восприятия категории пространства и перемещения в нем являются отправной пункт и конечный пункт, поскольку перемещение в пространстве осуществляется в рамках определенной модели: *отправной пункт - путь - конечный пункт*.

Способы перемещения человека многообразны, но ходьба – основной и наиболее частый способ естественного перемещения человека. Бег – это способ перемещения, который обеспечивает наиболее быстрое перемещение в естественных условиях. Ползание и карабкание требуют применения скоординированного движения всех конечностей. При плавании также должны скоординированно двигаться все конечности, но здесь специфическая среда – вода. Свои естественные возможности перемещения человек дополнил перемещением при помощи вспомогательных средств: использование тягловой силы животных, силы движения воды и силы ветра, а также использование механической и машинной мощи.

Среди естественных способов перемещения ходьба и бег всегда представляли особый интерес в естественных науках и смежных дисциплинах (физика, анатомия, физиология, неврология, психиатрия и психология) (см., напр., Kietz 1956: 177 и далее). В литературе существуют, по меньшей мере, два подхода к исследованию ходьбы. Во-первых, с естественно-научной точки зрения, ходьба рассматривается как явление, которое подчиняется общим законам природы и должна объясняться, исходя из них. В соответствии с этим предпринимаются попытки установить, что такое нормальная человеческая ходьба и каковы лежащие в ее основе физические и физиологические закономерности. Во-вторых, при психолого-характерологическом подходе пытаются установить связь между ходьбой и психикой и рассматривают ходьбу и походку как форму выражения особенностей характера человека (см. об этом: Kietz 1956: 2 и далее). С учетом культурологического аспекта данное направление представляется нам весьма интересным. Различные способы наименования «ходьбы» в разных языках во многом обусловлены национально-культурными особенностями.

Помимо человека активным носителем движения являются животные. Как отмечает В. Тёрнер, животное принципиально отличается от растения благодаря способности к «активному движению» (Thöner 1959: 47). Способы перемещения животных так же разнообразны, как и сам мир животных. Средами, в которых перемещаются животные, являются земля (над и под поверхностью земли), вода и воздух. Строение тела и образ жизни определяют способы перемещения. Их исследованием и классификацией занимается прежде всего зоология.

Некоторые исследователи говорят о том, что при лингвистическом исследовании необходимо различать носителей движения – разных субъектов: человек – животное, хотя, как отмечает Х. Дирш, если рассматривать самопроизвольное самостоятельное движение с перемещением в пространстве всего тела, то перемещение человека и животного можно рассматривать вместе (Diersch 1972: 33). С такой точкой зрения согласны не все исследователи. Так, Грамматика Дуден без всяких объяснений требует раздельного рассмотрения таких субъектов (Duden Grammatik 1959: 425).

Таким образом, материальность, трехмерность, вертикальность и горизонтальность, структурированность, временная соотнесенность – основополагающие аспекты, которые определяют восприятие пространства человеком и которые одновременно делают пространство доступными нашему пониманию.

Синонимом слову «пространство» в русском языке выступают слова «вселенная», «мир». *Вселенная* – калька с греческого (Фасмер 2004: т. 1, 363). В словаре М. Фасмера находим: др.-рус., ст.-слав. *миръ*, болг. *мир(ът)* «мир, спокойствие, свет», чеш. *mír* – «мир, покой, спокойствие, согласие»; родственно *милый* (Фасмер 2004: т. 2, 626). Итак, слово *мир* в русском языке включает в себя как значение согласия, спокойствия, так и пространственный параметр.

В немецком языке мы наблюдаем иную картину. Немецкое слово *die Welt*, а также *das All* – «мир, вселенная» – имеет только пространственное значение; понятие тишины, спокойствия, согласия выражают совершенно другие существительные – *der Frieden* (согласие), *der Friede* (спокойствие, тишина), этимологические родственные *Freude* (радость), *Befriedigung* (удовлетворение), восходящие к *Schonung* (оберегание, лелеяние), *Freundschaft* (дружба) (Duden Etymologie 1963: 186). Таким образом, если для русского человека мир – это пространство и согласие людей, живущих на этом пространстве, то для представителя немецкой культуры *мир-пространство* существует отдельно от субъекта, а *мир-согласие* сосредоточено в самом субъекте, оно связано с радостью, заботой, обереганием.

Итак, наполняемость слов *пространство* и *мир* позволяет говорить о том, что в русской культуре человек не противопоставляет себя пространству, он осознает себя как часть этого мира (вселенной), ориентиром в котором для него всегда была дорога, путь, направление. Ярким подтверждением тому является сохранившаяся в русском языке с древнейших времен оппозиция глаголов движения с точки зрения определенности / неопределенности (направленности / ненаправленности): *идти–ходить*, *бежать–бегать*, *нести–носить* и др. Для носителей немецкого языка релевантным оказывается позиционирование себя в пространстве, во вселенной (мире). Как мы уже отмечали, само слово *Raum* восходит к общегерманскому «пустота». Внутри мира, вселенной – пустота, человек своими действиями,

отношениями заполняет это пустое пространство, устанавливает в нем согласие (мир), либо несогласие (вражду).

Понятие пространства тесно связано также с такими параметрами, как территория, граница, предел. Известный зарубежный культурантрополог Э.Т. Холл, анализируя культурно-специфические коммуникативные образцы, различает 10 видов человеческой деятельности, куда включаются также территориальность и темпоральность (Hall 1959: 38). В более поздних своих работах Э.Т. Холл рассматривает только 4 системы – территориальность (использование пространства), темпоральность (использование времени), интеракция и групповое поведение (Hall 1977). Автор концентрирует свое внимание на ситуационных рамках и последовательности действий, чтобы установить «смысловые» образцы индивидуумов в различных культурах. Наиболее значимым результатом исследований стало разграничение Э.Т. Холлом культур с «сильным контекстом» и культур со «слабым контекстом», а также культур с преобладающим монокронным или преобладающим полихронным использованием времени. Э.Т. Холл считает, что отношение к пространству и времени является двумя ключевыми моментами, на примере которых четко прослеживаются различия в культуре.

Пространственный параметр территориальность – это так называемый технический, рабочий термин, который автор использует для определения владения, использования и защиты территории живым организмом (Hall 1959: 45). Это относится в первую очередь к человеку. Каждый человек отгораживается от внешнего мира при помощи различных барьеров. Так, партнер по интеракции, например, придерживается определенной дистанции по отношению к своему партнеру, он не допускает вторжения в свою личную сферу. Возведение барьеров начинается с внутреннего личного пространства индивидуума и заканчивается вне человека в различающейся по размеру «сфере господства». Величина «личного пространства» и «сферы господства» в разных культурах не одинаковы. По мнению Э.Т. Холла, в западных культурах эта величина более растяжима, чем в восточных. В соответствии с таким представлением, например, «личное пространство» и «сфера господства» у представителя русской культуры будет меньше, чем у представителя немецкой культуры. Если же говорить не о личном пространстве субъекта, а о пространстве, его окружающем (физическом), в котором субъект перемещается сам и перемещает различные объекты, то у представителя русской культуры такое пространство будет более растяжимым, менее ограниченным различными пределами, чем у представителей немецкой культуры, где пространство будет детально структурировано, в большей степени закрыто. Одним из ярких средств репрезентации этого в немецком языке выступают многочисленные отделяемые компоненты при глаголах движения (см. Шамне 2000).

Между физическим, материальным миром, существующем вне и помимо нашего сознания, и его отражением в языковых формах лежит огромная область восприятия, и проблеме его определения посвящена огромная литература. Вместе с тем вопрос о путях выделения из потока информации того, что потом осознается как пространство, или объект, или место, еще не получил своего окончательного разрешения. Когнитологи утверждают, что суждения выносятся не об объектах как таковых, а о тех чувственных впечатлениях, которые они вызывают (см. об этом, напр.: Miller 1976: 30). Иными словами, нам кажется, что мы описываем и имеющиеся в

нем объекты, тогда как фактически мы описываем наши ощущения, наше восприятие мира. В соответствии с этим многие ученые относятся нигилистически к самой возможности описать мир «как он есть». Но в сущности в самой теории восприятия следует различать две стороны: одна из них касается того, как или каким образом протекает процесс восприятия в одной из своих модальностей (т.е. что мы именно видим, слышим, осязаем и т.п.), – это заставляет изучать по отдельности принципы зрительного, слухового и пр. восприятия; другая – того, как в этом участвует язык.

Ядерными средствами, репрезентирующими рассмотренные нами основные характеристики пространства, являются в сопоставляемых языках глаголы движения.

Бесприставочные глаголы движения занимают особое место в системе русского глагола, так как по своей семантике выражают жизненно важные действия человека и в языке имеют богатую, разветвленную валентную структуру. Существовая в языке с давних времен, эта группа глаголов сохранила противопоставленность в рамках несовершенного вида, которая либо сохранилась в некоторых других славянских языках, либо выражена в семантике глаголов движения непоследовательно. Можно говорить, таким образом, об особом восприятии идеи перемещения в пространстве в сознании носителей славянских языков.

Как известно, бесприставочные глаголы движения представлены в русском языке двумя группами попарно соотнесенных глаголов несовершенного вида (типа *идти* - 1 группа и типа *ходить* - 2 группа). Несмотря на то, что бесприставочным глаголам движения посвящена обширная литература, эта группа все еще не имеет однозначной характеристики: до сих пор нет устойчивости в терминологии, отсутствует единое мнение по вопросу о принципах выделения и отграничения глаголов данной группы, по-разному устанавливается ее количественный состав. Кроме того, характеристика бесприставочных глаголов движения, как правило, ограничивается лексическими особенностями. При этом чаще всего за рамками исследования остаются релевантные признаки коррелятивных пар на лексико-грамматическом и синтаксическом уровнях.

Систематизация русских бесприставочных глаголов движения осуществляется в научной литературе по различным параметрам: в зависимости от разных способов перемещения, направленности / ненаправленности движения, субъектно-объектных отношений и т.д. Одни ученые останавливаются только на семантической общности глаголов перемещения, другие отмечают, что эта общность находит и грамматическое выражение. Исходя из семантической общности данных глаголов, исследователи выдвигают определенную иерархию признаков, причем количество признаков и релевантность колеблется в зависимости от взглядов лингвистов. Однако, почти все лингвисты выделяют признаки, связанные с направленностью перемещения в пространстве. Характеризуя различные концепции и точки зрения, все исследования по русским глаголам движения можно условно разделить на две группы: это, во-первых, исследования, посвященные описанию семантической структуры русских глаголов движения, направленные на выделение конечного набора признаков (см., в частности работы: Апресян 1974, Гак 1977, Лопушанская 1988 и др.) и, во-вторых, это работы в рамках направления «русский язык как иностранный», цель которых – научить правильному употреблению русских глаголов движения (см., например: Битехтина 1985, Муравьева 1975 и др.).

В славянских языках оппозиция глаголов движения, с точки зрения определенности / неопределенности, эксплицирована также в чешском языке: *jít – chodit, jet – jezdit, něst – nosit* и др. Следует отметить, что в большинстве случаев в русском и чешском языках наблюдается сходство в репрезентации типичных ситуаций, обозначаемых глаголами первой и второй группы, например: *Дети бегут к дому – Děti běží k domu; Дети бегают вокруг дома – Děti běhají kolem domu; Отец jde do divadla – Отец идет в театр; Отец chodí vždy rychlým krokem – Отец всегда ходит быстрым шагом*. Однако, в ряде случаев мы можем наблюдать также параллели с немецким языком. Так, при выражении ситуации перемещения в пространстве туда и обратно в чешском языке, в отличие от русского языка, употребляется, как правило, соответствующие формы глагола *být* (или других глаголов): *Včera я ходил в кино – Včera jsem byl v kině; Сегодня я ходил в театр – Dnes jsem byl v divadle* (возможно: *navštívil divadlo* – книжная конструкция). В немецком языке в такого рода ситуациях также отмечены формы глагола *sein* (быть): *Gestern war ich im Kino; Wir waren heute im Theater*. Говоря о различной интерпретации идеи перемещения в пространстве, следует заметить также, что в чешском языке яркую экспликацию, по сравнению с русским и немецким языками, находит временной параметр перемещения, поскольку многократность перемещения может быть выражена формально: *chodit – chodívat – chodívávat* (в последнем случае выражена эмоциональная окраска действия-перемещения). В результате такой подробной представленности определенности / неопределенности движения с учетом временного параметра в чешском языке можно выстроить достаточно широкий глагольный ряд, например: *něst → nosit → nosívát → nosívávat*. Обратимся к немецкому языку.

В работах немецких исследователей нет единого подхода к выделению и характеристике немецких глаголов движения. В 12 издании *Немецкого Словарного Состава X*. Еггерс подчиняет движение пространству и разграничивает: а) понятие движения; б) вид и способ движения; в) степень движения; г) обусловленность (произвольность / непроизвольность) движения; д) направленность движения (Wehrle 1961). Группа б) вид и способ движения, например, включает следующие подгруппы: *Land-, See-, Luftverkehr* (наземное, водное, воздушное сообщение), *Bevörterung* (транспортировка, перевозка), *Bevörterer* (перевозчик), *Land-, Wasser-, Luftfahrzeug* (наземное, водное, воздушное транспортное средство). Однако, не все принимают такую классификацию. В частности, данная классификация критикуется Х. Дирш (Diersch 1972), которая указывает, что, например, перевозка обусловлена в том числе и движением, а в группе «обусловленное движение» предусматриваются только толчок и отдача; автор отмечает нецелесообразность включения в состав группы «направленное движение» глаголов, обозначающих процесс питания, переваривания пищи и т.п.

Ф. Дорнзайфф называет один из 20 предложенных им «главных разделов» *Ortsveränderung* – «перемена места», то есть перемещение в пространстве, и делит его на 34 понятийные подгруппы: движение, стоянка, перевозка, автомобиль, корабль, самолет, быстро, медленно, привод / толчок, отдача, управлять / путь / направление, отклонение, выход вперед, тянуть, друг от друга, внутрь, наружу, через, между, мимо чего-либо, вверх, прыгать, вниз, падать, по окружности, туда и сюда, беспорядочно (Dornseiff 1965).

Как мы видим, предложенные классификации обнаруживают расхождения, потому что каждая исходит из разных позиций. В классификации Х. Верле и Х. Эггера (последовательность Пространство – Движение – Вид и способ движения – Движение по земле / воде / воздуху и т.д.) обнаруживаются логические шаги, а в 34 понятийных подгруппах Ф. Дорнзайффа, где объединены важные аспекты перемещения в пространстве, отсутствует стройная сквозная систематика. Как указывает Х. Дирш, здесь уместно задать вопрос, существует ли вообще какая-либо окончательная иерархия и система, которую можно было бы установить (Diersch 1972).

В немецком языке имеется большое количество языковых единиц, обозначающих движение. Это разнообразие возможностей обозначения в данной области представлено в словниках Ф. Дорнзайффа, а также Х. Верле и Х. Эггера в группах «Перемещение» (Dornseiff 1965) и «Движение» (Wehrle 1961). В них вошли обозначения самого процесса движения, носителей движения, инструментов и механизмов, мест, направления, степени, видов и способов движения и представлены все части речи, среди которых наиболее важными являются глаголы.

Таким образом, в немецком языке для обозначения процесса движения используются преимущественно глаголы и отглагольные абстрактные существительные. Это характерно, конечно, не только для современного состояния языка. Исходя из того, что связь живого существа с окружающим миром, его поведение безусловно относятся к впервые воспринятым и обозначенным процессам, корни глаголов движения можно считать самыми древними, а в основе многих слов, которые сегодня уже не употребляются как глаголы движения, лежат именно такие корни. Разумеется, что в воспринимаемом нашими органами чувств окружающем мире нет процессов, которые представляют собой изолированные явления, ходьба или полет не могут осуществляться сами по себе, а они всегда связаны с предметом или живым существом.

В целом, в немецком языке глаголы обычно делятся по своему значению на три большие группы: глаголы состояния (*Zustandsverben*), глаголы процесса, события (*Vorgangsverben*), глаголы активного действия (*Tätigkeitsverben*). Однако, как считает Й. Эрбен, такая классификация не лишена недостатков, так как при ближайшем рассмотрении выясняется, что не все глаголы состояния и глаголы процесса, события обозначают реальные состояния и действия, называемые в речи. С другой стороны, не каждый глагол состояния или процесса (события) обозначает единичный процесс (Erben 1965: 24). Г. Бринкманн, например, выделяет 5 «уровней» в группе глаголов: деятельности (*Tätigkeits-*), процесса (*Vorgangs- oder Zeit-*), состояния (*Zustands-*), события (*Geschehens-*) и погоды (*Witterungsverben*) (Brinkmann 1962: 214, 230). В работах Х. Райникке различаются точечные (*punktueller*) и протяженные глаголы (*Ausdehnungsverba*). Последние он разделяет на глаголы движения (*Motions-*), процесса (*Vorgangs-*), деятельности (*Tätigkeits-*), состояния (*Zustandsverba*) (Reinicke 1949).

Следует заметить, что во всех семантических классификациях в немецком языке выделяется группа глаголов процесса (*Vorgangsverben*), и в рамках этой группы выделяются глаголы движения.

Глаголы движения анализируются также в ряде немецких грамматик. В качестве таковых приводятся глаголы *reiten* - ехать верхом, скакать, *fahren* - ехать, *fliegen* - летать, *schwimmen* – плавать, *gehen* - идти, *kommen* - приближаться, прибывать, *wandern* - гулять, путешествовать пешком, *fliehen* - бежать, пуститься в бегство, *umherstreifen* - бесцельно ходить вокруг, *entlangschlendern* - бесцельно прогуливаться вдоль чего-либо, *irren* - блуждать, *tanzen* - танцевать, *segeln* - ходить под парусом (Jung 1966: 194); *paddeln* - грести, *bummeln* - гулять, прогуливаться, *flattern* - развеиваться, порхать, *rumpeln* - громыхать, *rudern* - править лодкой, *treten* - ступать, *galoppieren* - скакать галопом, *klettern* - карабкаться, *laufen* - бежать (Duden Grammatik 1959: 111). Однако, эти глаголы приводятся лишь в качестве примеров в связи с употреблением вспомогательных глаголов *haben* и *sein*, и полного списка глаголов движения в этих грамматиках нет.

В целом в немецкой лингвистике распространено широкое понимание движения. Так, Э. Лайзи относит к глаголам движения все глаголы, условием употребления которых является движение (Leisi 1961: 44). При таком подходе к глаголам движения будут относиться не только *fallen* - падать, *rinnen* - течь, *protokamen*, *gehen* - идти, *laufen* - бежать, *schwimmen* - плыть, *rollen* - катиться, но и *bringen* - приносить, *essen* - есть, *schneiden* - резать, *spielen* - играть, и даже *wachsen* - расти и *brennen* - гореть, потому что процесс не всегда можно четко отграничить от движения: *wachsen* - *расти* можно отнести и к глаголам движения, просто движение здесь очень медленное и его при однократном наблюдении нельзя увидеть. Точно так же и *brennen* - *гореть* обозначает процесс, который вряд ли может осуществляться без движения (там же: 45).

Такое семантическое выделение типа глаголов – глаголов движения – соответствует многообразию реальных фактов движения. В грамматиках немецкого языка, напротив, под глаголами движения понимаются лишь те глаголы, которые могут быть использованы для обозначения перемены места, то есть перемещения в пространстве. Таким образом, в немецком языке представлено иное, чем в русском, понимание «движения» и «перемещения». В отличие от русского языка, в рамках большой группы глаголов движения (*Bewegungsverben*) выделяется группа глаголов перемещения (*Fortbewegungsverben*). Здесь уместно заметить, что термин «*Fortbewegungsverb* – глагол перемещения в пространстве» до 70-х гг. XX века практически не употребляется. Однако, в последнее время в немецкой литературе встречаются оба термина (*Bewegung* и *Fortbewegung*).

Несмотря на многообразие подходов к выделению, описанию и трактовке глаголов движения как в русском, так и в немецком языке, можно выделить ядерные глаголы движения в обоих языках, которые обозначают в самом общем виде собственно перемещение субъекта в пространстве, которое может быть различным – непосредственным или опосредованным (например, транспортным средством), осуществляться в разной среде – по твердой поверхности, по воде, по воздуху, с разной интенсивностью и т.д. Пространственные характеристики универсальны. Однако, идея перемещения в пространстве преломляется в сознании носителей определенной культуры специфическим образом. Если в русском языке в центре находится собственно перемещение, в немецком – субъект как активное начало этого перемещения, то чешский язык занимает некое «промежуточное» положение, эксплицируя либо собственно субъекта, либо само перемещение этого субъекта.

Помимо глаголов движения, различные пространственные характеристики могут находить выражения и в других языковых единицах, ведь категория пространства, как определяющая жизнедеятельность субъекта, находит выражение в разноуровневых языковых средствах. На наш взгляд, подробный последовательный анализ этих средств в том или ином языке с позиций лингвокультурологии, лингвокогнитологии позволит во многом по-новому взглянуть на особенности национального характера, менталитета представителя определенной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

А п р е с я н, Ю.Д., *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*, М.: Наука, 1974, 367 с.

Б е р к е, У., *Пространство-время, геометрия, космология*, М., 1985, 416 с.

Б и т е х т и н а, Г.А., Ю д и н а, Л.П., *Система работы по теме «Глаголы движения»*, М.: Рус. яз., 1985, 160 с.

Г а к, В.Г., *Сопоставительная лексикология*, М.: Международные отношения, 1977, 264 с.

Г а ч е в, Г.Д., *Наука и национальные культуры (гуманитарный комментарий к естествознанию)*, Ростов-на-Дону, 1992, 320 с.

Г а ч е в, Г.Д., *Национальные образы мира. Космо - Психо – Логос*, М.: ИГ «Прогресс» - «Культура», 1995, 479 с.

Г у р е в и ч, А.Я., *Категория средневековой культуры*, М.: Искусство, 1972, 318 с.

К у б р я к о в а, Е.С., “Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы)”, *Известия АН. Серия литературы и языка*, 1997, Т. 56, №3, С. 22-31.

Л о п у ш а н с к а я, С.П., “Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции”, *Русский глагол (в сопоставительном освещении): Межвуз. сборник научн. трудов*, Волгоград, 1988, С. 5 - 19.

М у р а в ь е в а, Л.С., *Глаголы движения в русском языке*, Уч. пособие, М.: Русский язык, 1975, 270 с.

Т о п о р о в, В.Н., “Пространство и текст”, *Текст: семантика и структура*, М., 1983, С. 227–285.

Ф а с м е р, М., *Этимологический словарь русского языка: В 4 т.*, Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, М.: ООО «Изд-во Астрель», 2004.

Х а й д е г г е р, М., “Искусство и пространство”, *Самосознание европейской культуры XX века*, М., 1991, С. 95-102.

Ц и в ь я н, Т.В., *Лингвистические основы балканской модели мира*, М., 1990.

Ш а м н е, Н.Л., *Семантика немецких глаголов движения и их русские эквиваленты в лингвокультурологическом освещении*, Изд-во Волгоградского государственного университета, 2000, 392 с.

B r i n k m a n n, H., "Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung", *Sprache und Gemeinschaft. Grundlegung*, Bd. 1, Düsseldorf, 1962.

D i e r s c h, H., "Verben der Fortbewegung in der deutschen Sprache der Gegenwart. Eine Untersuchung zu syntagmatischen und paradigmatischen Beziehungen des Wortinhalts", *Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse*, Bd. 62, Heft 3, Berlin: Akademie-Verlag, 1972, 231 S.

D o r n s e i f f, F., *Der deutsche Wortschatz in Wortgruppen*, Berlin: De Gruyter, 1965, 287 S.

Duden Grammatik der deutschen Gegenwartssprache, Dudenredaktion unter Leitung von Dr. Phil. habil. Paul Grebe, Der Grosse Duden, Bd.4, Mannheim, 1959.

Duden Etymologie Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache, Bearb. von G. Drosdowsky; P. Grebe u. weiteren Mitarb. der Dudenredaktion, Duden Band 7, Bibliographisches Institut Mannheim etc. Dudenverlag, 1963.

E i n s t e i n, A., "Vorwort", Jammer, M., *Concepts of Space*, Cambridge / Mass.: Harvard University Press, 1953, S. 3-19.

E r b e n, J., *Abriss der deutschen Grammatik*, 8., Unveränderte Aufl., Berlin, 1965.

H o l z, H. H., *Sprache und Welt. Probleme der Sprachphilosophie*, Frankfurt a.M., 1953.

H a l l, E.T., *The Silent Language*, New York: Doubleday, 1959.

H a l l, E.T., *Beyond Culture*, New York: Doubleday, 1977.

J u n g, W., *Grammatik der deutschen Sprache*, Leipzig, 1966.

K i e t z, G., *Der Ausdrucksgehalt des menschlichen Ganges*, 3., unveränderte Aufl., Leipzig, 1956.

L e e c h, G., *Towards a semantic Description of English*, London, 1971.

L e i s i, E., *Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und im Englischen*. 2., erw. Aufl., Heidelberg, 1961; 4. Aufl.: *Der Wortinhalt*, Heidelberg: Quelle und Meyer (UTB), 1961.

M i l l e r, G.A., J o h n s o n – L a i r d, P.N., *Language and Perception*, Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

P i a g e t, J., I n h e l d e r, D., *La representation de l'espace chez l'enfant*, Paris: Presses Universitaires de France, 1948. Dt. Übers.: *Die Entwicklung des räumlichen Denkens beim Kinde*, Stuttgart: Klett, 1975.

R e i n i c k e, H. *Die Theorie der Aspekte und Aktionsarten unter besonderer Berücksichtigung des Neuenglischen*. Dissertation, Marburg, 1949.

T h ö r n e r, W., *Biologische Grundlagen der Leibeserziehung. Anatomie, Physiologie und Bewegungslehre, vorwiegend für Sportler und Erzieher*, 2. umgearb. Aufl., Bonn, 1959.

W e h r l e, H., E g g e r s, H., *Deutscher Wortschatz. Ein Wegweiser zum treffenden Ausdruck*. 12., Auflage, völlig neu bearbeitet von H.Eggers, Stuttgart: Klett, 1961.

W i e r z b i c k a, A., *Semantics and Culture*, New York, 1992.

W u n d e r l i c h, D., "Sprache und Raum", *Studium Linguistik*, 1982, 12, S. 1-19; 13. S. 37-59.

W u n d e r l i c h, D., "Raum, Zeit und das Lexikon", Harro Schweizer (Hrsg): *Sprache und Raum. Psychologische und linguistische Aspekte de Aneignung und Verarbeitung von Räumlichkeit. Ein Arbeitsbuch für Lehren und Forschung*, Stuttgart: Metzler, 1985, S. 66–89.

UNIVERSALE EIGENSCHAFTEN DER KATEGORIE DES RAUMS
UND DIE HAUPTMETHODEN IHRER REPRÄSENTATION IN DER SPRACHE

ZUSAMMENFASSUNG

In diesem Artikel werden relevante Eigenschaften der Kategorie des Raums - die Materialität, die Dreidimensionalität, die Strukturiertheit und die Bewegung - im Verhältnis zur Kategorie der Zeit analysiert. Es werden charakteristische Bewegungsverben im Deutschen, Russischen und Tschechischen als Hauptmethoden der Repräsentation der Kategorie des Raums näher beschrieben.

SCHLÜSSELWÖRTER: *Kategorie des Raums, Temporalität, Bewegungsverben, Bestimmtheit / Nicht-Bestimmtheit der Bewegung*

